

КУЛЬТУРА
И
ИСКУССТВО
народов
Средней
Азии
в древности
и средне-
вековье

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КУЛЬТУРА
И
ИСКУССТВО
народов
Средней
Азии
в древности
и средне-
вековье

Под редакцией

Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

О ТИПОЛОГИИ МЕМОРИАЛЬНОГО ЗОДЧЕСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ. МАВЗОЛЕИ ФУДИНЫ И КАСБИ

Хронологическое определение на основе обследования памятников в натуре, сравнительного анализа архитектурных форм и деталей, последовательности наслоений и деформаций — один из первичных этапов исследования; оно позволяет выдвинуть гипотезы, которые в процессе реставрации памятника углубляются и корректируются проникновением в скрытые части конструкций, недоступные в обычных условиях. Многочисленные памятники Средней Азии, а в их числе некрополи Фудины и Касби, еще не затронуты научной реставрацией, глубокое зондирование и археологические раскопки на их территории — дело будущего. Тем не менее интересы самого сохранения памятников требуют научного определения их места в общих процессах формирования зодчества Средней Азии и ценности по ряду критериев: древности, вкладу в развитие строительной техники и конструкций, типологической принадлежности, художественным достоинствам и т. д. Такие оценки на нынешнем этапе изучения уже могут быть сделаны, например, с позиций типологии.

Исследователи архитектуры Средней Азии нередко отмечают случаи разрешения различных функциональных задач в пределах единой пространственной структуры (портально-купольная, например, универсальная, с некоторыми модификациями она служит то мавзолеем, то мечетью, то *дарваза-хана*, от чортака до городских ворот) и случаи разрешения единой функции в огромном многообразии форм. Природа этого явления, пока еще слабо затронутая теоретическим анализом¹, лежит в закономерностях самого творческого процесса

архитектора, разрешающего в любом проекте главную задачу — выбор пространственной структуры, наиболее соответствующей облекаемому ею общественному процессу и, в свою очередь, формирующей тот жизненный процесс, ради которого здание создается и которому оно «обязано своим возникновением» [49, с. 122]. Формообразующие факторы при этом различны по природе, они могут быть относительно устойчивыми, как, например, традиции локальных архитектурных школ, связанные с природно-климатическими отличиями и психофизиологическими особенностями восприятия различных этнических групп, и переменными: эстетические взгляды, меняющиеся на исторических этапах; проявление воли заказчика и творческой личности художника. Большинство из них влияет главным образом на стиливые характеристики объектов, наиболее подвижный элемент системы, главный же общественный фактор ложится в основу типологии и определяет социальный заказ — решение функционально-пространственной задачи. Для мемориальных сооружений она сводится к следующему: создать укрытие над захоронением; увековечить память усопшего в монументальных формах, соответствующих эстетическим концепциям данного общества на конкретном этапе его развития.

Изыскания в области типологии мемориальных сооружений Средней Азии давно ведутся в пределах купольных структур². Наиболее проработаны на сегодняшний день вопросы формирования однокамерных, центрических и порталных мавзолеев [15; 16, с. 44—49; 40; 43, с. 226—227], отдельные разработки

¹ Б. А. Литвинский обратил наше внимание на то, что интересные, но не бесспорные соображения о природе этого явления в «мусульманском» искусстве выдвинуты О. Грабаром (принцип *flexible* — «гибкости») [52, особенно с. 209].

² Автору осталось недоступным важное для этой темы исследование О. Грабара [51], где использован и среднеазиатский материал. Указанием на эту работу мы обязаны любезности Б. А. Литвинского.

велись и по многокупольным мемориальным зданиям [19; 30; 39].

Нам представляется правильным классифицировать мемориальные сооружения Средней Азии по назначению и способу организации среды на три крупные категории: I — однокамерные; II — многокамерные и III — пространственные. Из них I и II представляют собой замкнутые, III — открытую структуру [11, с. 24—30]. Внутри этих категорий выделяются несколько главных типологических линий.

Однокамерные. 1. Центрические: а) с чистой центральноосевой симметрией квадратного, как правило купольного, киоска, раскрытого на четыре стороны (мавзолей Саманидов, IX—X вв., Ак-Сарай-динг, XII в.); б) с асимметричным расположением одной-двух дверей³ (мавзолей Ак-Астана-бобо в Сурхандарьинской области и др.); в) раскрытые или замкнутые мавзолеи с граненой формой основного объема (Восьмигранник в Шахи-Зинда, мавзолей № 7 в Дахистане [37, с. 294]).

2. «Фасадные» — квадратные в плане, с кубовидным или призматическим корпусом — с портальной разработкой входной фасадной стены, без существенных изменений в планировке здания по сравнению с центрическими, но с видимым отличием в объемно-пространственной композиции; изменение это принципиально по сути, так как выражает иную пространственную концепцию проектирования мавзолея, рассчитанного на фронтальное восприятие (например, мавзолей Мир-Сеид-Бахром в Кермине, XI в.) или восприятие с двух сторон (Средний мавзолей Узгентского комплекса [13, с. 166, рис. 2]).

3. Портально-купольные — с явно выделившимся входным порталом, образованным выступом либо суженного объема от кубического основного корпуса (мавзолей Рухаб-ад в Самарканде, 70-е годы XIV в.), либо объема, вписанного в прямоугольную призму корпуса и возвышающегося над ней (мавзолей Араб-ата в Тиме, мавзолей XIV—начала XV в. в Шахи-Зинда). Возможны варианты других многогранных призм и соответствия внешних и внутренних объемов (например, восьмигранный интерьер при восьмигранном же корпусе — в мавзолее Рабии Султан-Бегим в Туркестане; квадратный интерьер в восьмигранном корпусе — мавзолей Биби-ханым в Самарканде; восьмигранник внутри прямоугольного в плане портально-купольного мавзолея Ходжа Магыз в Маргелане [8, с. 98]).

Многокамерные, многофункциональные

нальные мавзолеи, комбинирующие несколько усыпальниц и *зийарат-хану*. По архитектурной организации их можно различать следующим образом:

1) конгломераты — без четкой организационной структуры разновеликих частей, разновременные (мавзолей Махдуми Азам в Гисаре, XVI—XVII вв.) или единовременные (комплекс Кусамы ибн Аббаса в Шахи-Зинда, XI в.);

2) тап-куча («каменный коридор») — цепочка одинаковых купольных отсеков (известные примеры — от двух до семи куполов) в пределах единого вытянутого призматического объема с одним входом либо с торца, либо через помещения по длинной стороне (мавзолей Ходжа Иса, XII в., Шамун-наби, XVIII в., Ходжа Данияр, XIX в.);

3) продольноосевые мавзолеи — комплексы, как правило, с сильно развитым порталным входом и с призматическим, прямоугольным или ступенчато-сокращающимся корпусом, увенчанным ансамблем куполов соответственно внутренней структуре здания. Усыпальница и *зийарат-хана* в развитых памятниках комбинируются с рядом помещений, связанных с культовым ритуалом (двухкупольные — мавзолей Сайфаддина Бухарзи, Кук-ата [30], Биби-Бувайда [8]; сложные — Шейх-Мухтар-Вали, мавзолей Ходжа Ахмада Ясеви);

4) поперечноосевые мавзолеи — комплексы с фронтальным расположением прямоугольного корпуса и одной-тремя осями композиции, того же сложного состава, что и продольноосевые (мавзолей Мухаммада Бошаро [6]);

5) мавзолеи - ханаки — центрического продольноосевого и Т-образного строения композиции, с отличительным признаком, выделяющим их в особую типологическую группу, — раскрытием зала, как правило крестообразного, на три-четыре стороны проемами в пилах, с жилыми *хужрами* и лестницами в боковых стенах. Композиция сходна со специализированными зданиями *ханаки* той же структуры, но с отличием в разработке (мавзолей Суюнидж-хана и Юнус-хана в Ташкенте, два памятника в Иски-Лянгаре [22]).

Наконец, *пространственно-организованные* мемориалы — встречаются и в виде замкнутой дворовой схемы, и в виде открытой, фронтально развернутой композиции, служащей экраном для почитаемых захоронений и организующей лишь ориентацию при *зийарате* — на кыблу (дворики-некрополи в ансамбле Чор-Бакар в Бухаре, мавзолей асхабов в Мерве, XV в.), и в виде асимметричных комплексов, сочетающих захоронение под

³ Эти композиции можно отнести и к фасадным.

открытым небом с отдельным зданием для обрядов⁴.

Многие из этих композиционных схем (главным образом, однокамерные) прослеживаются на протяжении всего развитого средневековья, от X до XIX в.; другие, как «конгломераты», возникают на несколько столетий, чтобы дать жизнь иным, более развитым типам многокамерных, архитектурно-организованных зданий, существующих в последующие эпохи. Динамика развития каждой из названных схем — тема специальной работы. Для данной статьи выделим те, которые связаны с начальными этапами становления однокамерных и многокамерных мемориальных сооружений, образцы которых имеются в комплексах Фудины и Касби.

Разновременные культово-мемориальные комплексы Кашкадарьинской области УзССР — Хусам-ата в селении Фудина Касанского района и Султан Мир-Хайдар в селении Касби Бешкентского района — не стали еще предметом подробного изучения. Экспедиции по учету памятников 1947—1949 и 1954 гг. собрали первичные сведения об их составе [9; 10; 12; 46].

Впервые в научную литературу памятники введены Р. Р. Абдурасулевым и Л. И. Ремпелем, ими же была предварительно намечена хронология [1, с. 30]. Дальнейшее обследование в ходе подготовительных работ по Своду памятников архитектуры Узбекистана было проведено нами [20, с. 42—49, 71—76; 26, с. 37—44, 48—54; 26].

Среди географических названий селений в окрестностях Несефа, приводимых арабскими географами, В. В. Бартольд выделяет Педьяна (у Якута «Бедьяна»), отождествляя его с упомянутым в другом месте Тедьяна [3, с. 195], что может соответствовать нынешнему Фудина (Пудина). Селение Касби расположено у подножия городища древней Кесбы, упоминаемого Истахри, Макдиси, Сам'ани и Якутом, в области Несефа, в четырех фарсах от него по дороге в Бухару; Кесба была даже больше самого Несефа [3, с. 190]. Область Несефа в X в. стала ареной интенсивной культурной жизни, о которой свидетельствуют исторические сочинения, в частности «Книга о соперничестве людей Кеша и Несефа» Абу-л-Хариса Асада б. Хамдун ал-Версини (ум. в 927 г.) или труд Абу-л-Аббаса Джафара б. Мухаммеда ал-Мустагфири (ум. в 1041 г.), собравшего в два толстых тома сведения о замечательных людях города Несефа и насчитывающего среди них 80 категорий. По Макдиси, странствующие арабские ученые

охотно читали лекции в собраниях, куда стали приглашать иностранцев, чтобы они разнесли славу об ораторе по разным странам. «Приобретший уже известность ученый, — пишет В. В. Бартольд, — мог рассчитывать, что при приезде в какой-нибудь большой город ему будет предоставлена возможность соби- рать вокруг себя слушателей. Так, говорится о прибытии в Несеф... мутазили- тского вождя Абу-л-Касима Кааби (происходил из Балха, но принадлежал к багдадской школе мутазитов, умер в 931 г.); он остановился в одном из *рабагов*, ему устроили аудиторию для „диктования“» [2, с. 225]. Таким же ученым мог быть в XI в. и тот, что известен у современного населения как Хазрати Хусам-ата; он считается, по-местному преданию, проповедником, выходцем из Аравии, основателем данного поселения. Мазару насчитывают 880 лет, что может указывать на дату основания некрополя где-то около XI в.

Наиболее древними в некрополе кишлака Фудина являются мавзолей северного двора № 12 и 13, вошедшие в научную литературу как мавзолей Исхак-ата и мавзолей его дочери [1, с. 28—30, рис. 1].

Однокамерный мавзолей Исхак-ата — квадратная в плане (6,7×6,7 м), кубическая купольная постройка, с выступающим на 0,7 м с юга порталом, суженным и повышенным по отношению к основному корпусу здания. Объемно он не очень развит, но воспринимается как вполне определенная порталная форма, присущая лишь одному, главному фасаду, обращенному к мемориальному дворику. Это позволяет считать мавзолей портално-купольным. Композиция же основного здания напоминает центрический мавзолей Саманидов в Бухаре: наружные углы оформлены трехчетвертными колоннами, зажатými между покоем и карнизом; центры фасадов прорезаны арочными проемами в чут углубленных нишах; проемы, кроме входного с юга, забраны кирпичными решетками. Мавзолей сложен из жженого плиточного кирпича размерами сторон 23×23×4 см на глиняном растворе.

Помещение (5,2×5,2 м) также кубообразно; над гладкими стенами четверика — восьмигранный ярус арочных парусов, отчлененный по горизонтали и от четверика и от купола. Свесы купола поддерживают двухрядные ячеисто-консольные сталактиты, под сводами в пазах арочных парусов — двухрядные, перспективно-ячеистые паруски. Формы отступающих и выступающих ячеистых парусов, характерные для ряда памятников начиная с XI в., типичны и для мавзолеев Кашкадарьинских некрополей — в Фудине, Касби и Каучине. Простейшая форма этих деталей, приме-

⁴ Теорию вопроса см. [50].

нение двухцветной фигурной выкладки щипцов парусных арок розовым и желтым кирпичом «парами» и «в елку», напоминающее бухарскую Намазго начала XII в., наличие угловых колонн при порталном оформлении входа, известное для конца X в. по мавзолею Араб-ата, нишки по центрам фасадов, напоминающие мавзолей Ахмада на Мургабе X—XI вв., — все это круг архитектурных приемов домонгольского времени, отмеченный в мавзолее Исхак-ата экспедицией 1961 г. [1, с. 30]; в сочетании с ними кирпич саманидского формата, на наш взгляд, снимает сомнения в истинной древности памятника, дату которого можно отнести к X в.

Соседний «мавзолей дочери» сложен из более крупного плиточного кирпича, 25—26 см в стороне при толщине 5 см. Он квадратен в плане (наружные размеры 6×6 м, помещение 4,5×4,5 м), лишен декора; явно выраженного портала здесь нет, лишь фасадная стена, выходящая в мемориальный дворик, разработанная в порталных формах, без утолщения самой стены. Центричность объема нарушена асимметричным расположением проемов, их всего два: дверь — с юга и окно — на западе (подобно мавзолею X в. Ак-Астана-бобо [17, с. 131—133; 38, с. 326]). Невысокий четверик внутри расчленен тремя мелкими нишками для *чирагов* в каждой стороне. Переход к одинарному сфероконическому куполу осуществлен с помощью арочных парусов; свесы сводов в угловых пазухах поддерживают перспективно-ячеистые нишки, как и в мавзолее Исхак-ата. На стене вмазаны фрагменты надгробий XIV в.: два — резной поливной терракоты, один — резного камня с куфическими письменами на фоне мелких «перлов».

Второе древнее ядро комплекса Хусам-ата составляет трехкамерный мавзолей. Из разновременных сросшихся построек в южной части ансамбля его выделяют единство стройматериалов, архаичность архитектурных форм и разрезные швы в кладках на границах с соседними помещениями. Он состоит из трех помещений — *зийарат-ханы* и двух усыпальниц (рис. 44). В плане его контур асимметричен, так как усыпальницы (3×3 и 3,8×3,8 м) шире, чем смежная с ними *зийарат-хана* (6,2×6,2 м). Общие размеры мавзолея равны 10×13 м, ширина *зийарат-ханы* 8 м.

Стены сложены вперевязку из жженого квадратного кирпича размерами 24—25×24—25×4 см на известковом растворе. Норма кладки 10 рядов+10 швов=59 см — достаточно плотная, характерная для памятников XI—XII вв.

Общий облик мавзолея, с низким корпусом, венчаемым высокими, остроконечными, ступенчатыми куполами со световыми фонари-

камн в зените, очень напоминает многокупольный мавзолей Увайда и Зубайды в Южном Туркменистане [37, с. 286—289], который представляет собой конгломерат построек XI—XII вв. и колонной мечети XVII в. Единственный же трехкамерный мавзолей в Фудине можно лишь условно назвать «конгломератом» из-за архитектурной неупорядоченности его композиции.

Зийарат-хана с *михрабом* в западной стене лишена порталного оформления входа, отмеченного единственной деталью фасадов, слабо-рельефной П-образной тягой. Она служила поминальной мечетью при усыпальницах, где захоронены, по словам старожилы К. Атабуллаева (1897 года рождения), «сыновья» Хусам-ата, Актай-хан (№ 1) и Масратай-хан (№ 2). Третий сын, Сагатай, похоронен, по этому варианту, в мавзолее, который мы называем мавзолеем Исхак-ата.

Помещения «конгломерата» связаны низкими лазами (высотой 1 м, шириной 0,8 м). Интерьеры решены единым архитектурным приемом: гладкий четверик, очеркнутый горизонтальной тягой от яруса арочных парусов, высокий купол. Свесы куполов маскируют одиночные «кристаллы» кирпичных сталактитов, под сводами, в пазухах арок — ячеистые нишки. Помещения, оштукатуренные и побеленные, различаются лишь в пропорциях; *зийарат-хана* несколько усложнена.

Гурхана № 1 отличается вытянутостью вверх, в центре ее — двухступенчатое кирпичное оштукатуренное надгробие со стрельчатым гребнем.

Гурхана № 2 просторнее, при той же высоте четверика в ней устроен пониженный восьмерик с широкими арочками в каждой грани. В нем установлено такое же надгробие.

Зийарат-хана — просторный зал с приземистыми пропорциями четверика и яруса арочных парусов и по контрасту высоким куполом. Над восьмериком выделяется узкая полоса шестнадцатигранника, свесы которого поддерживают одиночные сталактиты. Ярус парусов очеркнут грубой штукатурной тягой от четверика. Угловые пазухи арок выполнены в виде сомкнутого свода, на сопряжении его с углом — западающая нишка. Углы восьмигранника заполняют трехрядные ячеисто-консольные сталактиты, развивая тему одиночных «кристаллов» в усыпальницах № 1 и 2. Эти скромные детали, воспринимающиеся как зачаточные формы, аналогичны ячеистым сталактитам в древних мавзолеях северной группы некрополя в Фудине. Архаичность деталей и общего облика, малые размеры помещений, ветхость кладок хронологически сближают северную и южную части ансамбля. Последова-

тельность их возведения в границах конца X — начала XIII в. может быть намечена и по типологическому признаку: многокамерные мавзолей-«конгломераты» известны не ранее XI в. (комплекс Кусам в Шахи-Зинда XI в. [33, с. 8], упомянутый мавзолей Мухаммада ибн Зайда XII в., мавзолей Увайда и Зубайды XI—XII вв. в Южном Туркменистане, мавзолей Зуль-Кифл на о-ве Арал-Пайгамбар XI—XII вв. [18] и, наконец, древнее ядро — мавзолей-«конгломерат» в комплексе Султан-Мир-Хайдар в Касби). Ядро комплекса в Касби представляет собой живописную композицию из трех помещений, с неправильным контуром в плане, послужившим поводом к предположению о неодновременности их возведения [1, с. 22]. Между тем это тоже единовременная постройка, скомпонованная аналогично южному мемориалу в некрополе Хусам-ата, с той лишь разницей, что здесь при входе не самое крупное, а самое маленькое помещение, заполняющее угол между усыпальницами и связанное с ними проемами. Контур плана, как и в Фудине, расширен по оси двух малых помещений. Разрезных швов в стенах не отмечено, кладка здания едина, выполнена плиточным жженым кирпичом на лёссовом растворе. Размеры кирпича колеблются в стороне от 21 до 24 см при толщине 3,5—4,5 см (рис. 48 в).

Архитектурно проработаны лишь интерьеры «конгломератов» в Фудине и Касби. Фасады оставлены в черной кладке. Объемно это живописные композиции, организованные лишь функциями усложняющегося мемориала, где разделяются назначения помещений для обрядов поминовения и самих захоронений.

Архитектура интерьеров «конгломерата» в Касби аналогична мавзолеям в Фудине: низкий четверик горизонтальной тягой отчленен от восьмерика; в стенах четверика выложены маленькие стрельчатые нишки для *чирагов*; грани восьмерика обозначены прямоугольными рамами, в которые вписаны неглубокие арки. В угловых пазухах и под свесами купола в Касби развиваются варианты перспективно-ячейистого паруса. Таким образом, в Фудине и Касби мы встречаемся с образцами древнейших единовременных многокамерных мавзолеев-«конгломератов» Средней Азии. Но этим не исчерпывается многообразие форм погребальных сооружений этих комплексов.

Вернемся к комплексу в Фудине. С запада к *гурхане* № 2 примыкает *гурхана* № 3 с захоронением Хусам-ата; вход в нее ведет через девятикупольную мечеть, пристроенную к «конгломерату» с севера. Посреди мавзолея установлены два кирпичных надгробия, грубо отремонтированные и обмазанные цементным раствором. Большее — двухступенчатое (2,12 ×

× 1,25 и 0,87 × 1,62 м), меньшее — одноступенчатое с двумя гребнями (1,95 × 1,07 м).

Наружные стены усыпальницы Хусам-ата отделены швами от западной стены усыпальницы № 2 и от стены поздней мечети; швы хорошо просматриваются на западном фасаде. Стены мавзолея № 3 сложены небрежно, грубо отремонтированы и затерты внутри ганчем. Кирпич жженный, плиточный, размером 23—24 × 23—23 × 4 см, 10 рядов + 10 швов = 63 см; кладка на глиняном растворе.

Усыпальница Хусам-ата отличается от всех мавзолеев комплекса. Явно выраженного четверика в ней нет. П-образные обрамления арок в интерьере опущены до пола и образуют в плане правильный восьмигранник со стороны 1,5 м, диаметром 3,77 м (сочетание прямоугольной призмы корпуса с восьмигранной призмой внутри). Помещение перекрыто сфероконическим куполом. Пазухи диагональных арок заполнены полусферическими сводами, свесы которых в углах ничем не поддерживаются. Опущенные до пола обрамления арок парусов переводят квадратный контур интерьера в восьмигранный, с треугольными нишками по углам. Это древний прием, известный по мавзолею XI в. Мир-Сеид-Бахром в Кермине, но он воспроизводится и позже, например в мавзолее XV в. Астана-ата [41], в *зийарат-хане* XIX в. мавзолея Шейха Хавенди Тахура в Ташкенте [29, с. 20—21]. Наличие швов, отделяющих кладку мавзолея № 3 от «конгломерата» XI—XII вв. и мечети XVI—XVII вв., небрежность кладки, неряшливость ремонтов свидетельствуют, что *гурхана* № 3 основательно перестроена, возможно на древней основе, уже после строительства мечети, из которой организован вход в усыпальницу.

Девятикупольная мечеть № 5 прямоугольна в плане. Северная и западная ее стены — глухие; с юга она примыкает к древнему «конгломерату» и *гурхане* Хусам-ата; восточный фасад раскрыт в виде трехарочной галереи, которую, по словам старожил, в 1915 г. перестраивал мастер Усман-хан. Ремонтная перекладка сделана «русским» кирпичом и в куполах, и на парапете; тогда же к пилонам галереи пристроили пилястры в виде цилиндрических башен, фланкирующих центральную арку. В основных же частях мечеть сложена квадратным кирпичом 25,5 × 25,5 × 5 см на ганче с крупными добавками кирпичной крошки. Опорой куполам служат крестообразные в плане пилоны, соединенные широкими арками.

Купола различны по размерам: два из них прямоугольны (конструкция «балхи»), один — в виде стрельчатого свода, остальные, не ремонтированные, сфероконические, низкого

подъема; сложены кольцевой кладкой, без правильной окружности в основании, подчеркнутым кирпичной шарафой. Паруса частью арочные, утопленные в кладку, частью щитовидные, вверху переходящие в овал.

Существование первоначального *мазара* на месте *гурханы* № 3 несомненно: подход к нему и был торжественно оформлен монументальной мечетью. Обращает на себя внимание фрагмент резного неполированного терракотового надгробия с надписью куфическим почерком, вмазанный на карнизе галереи. Местоположение фрагмента над входом в мечеть, ведущую в *гурхану* Хусам-ата, может указывать на отношение надгробия непосредственно к захоронению «святого». Куфическая надпись мелкого масштаба (размеры фрагмента 35×20 см) проложена в обрамлении «бусинок» — перлов. В «цветущий» *куфи* сочно вписаны переплетающиеся узлы; поверхность букв плоская, рельеф глубокий. Орнаментальные элементы сведены до минимума и выполнены в масштабах самих букв, напоминающих надпись на выкружке портала Южного узгенского мавзолея.

Северный дворик ансамбля замыкает с востока мавзолей Мансура Мухаммада (№ 11) — продольноосевой, двухкупольный, с боковым входом. В первом отделении мавзолея помещено большое серомраморное резное надгробие (*кук-тош*) с именем Мансура Мухаммада и датой конца XVI в. Три малых надгробия, расположенные в проходе и во втором отделении, представляют собой также памятник высокого искусства резьбы по мрамору и заслуживают тщательной фиксации и изучения.

Двухчастный мавзолей типа *таш-куча* построен на остатках старых стен. В его стенах два формата кирпича: внизу — $18-19 \times 3$ см, 10 рядов + 10 швов = 62 см, верх стены и перекрытия сложены прямоугольным «русским» кирпичом $26 \times 13 \times 6,5$ см, как в *дарваза-хане*, при входе в ансамбль.

Два квадратных отсека разделены широкой поперечной аркой, низкие куполки покоятся на арочных парусах. Дата надстройки очевидна, это XX в.; нижний же мелкий кирпич, видимо, того же времени, что и *дарваза-хана*, т. е. не ранее XVIII в.

Описание прочих строений из жженого кирпича представляет интерес лишь как сравнительный материал к датировкам мавзолеев Фудина, поэтому коснемся двух оставшихся объектов ансамбля — *дарваза-хана* и квартальной мечети.

Дарваза-хана (№ 8) — при входе в некрополь — небольшая ($5,45 \times 4,9$ м) разновременная портално-купольная постройка. Низ ее стен на высоту 1,6 м сложен кирпичом разме-

ром $21 \times 4,5$ см. Кирпич светлый, хорошего качества, со свежей поверхностью. Выше идет кладка «русским» кирпичом, также свежим, $26 \times 13 \times 6,5$ см. Помещение *дарваза-хана* — квадрат со стороной 3,6 м, расширенный четырьмя мелкими нишами шириной во всю стену. Плоский, кольцевой кладки купол с однорядной *шарафой* в основании стоит на одиночных щитовидных парусах, сложенных «в елку». По сторонам от прохода — поздние суфы. Портал не декорирован, лишь западающее панно над арочным входом оформлено поверху кирпичным фигурным карнизом. Мелкий формат кирпича понижу стен не является в данном случае свидетельством их древности, так как сама планировка и архитектурные формы говорят о поздней дате. Вторичное использование древнего мелкоплиточного кирпича тоже исключено, так как кирпич светлый. Это формат, который встречается в г. Карши в медресе Шарап-Ходжа по ул. Тельмана, медресе Ходжа Курбан по ул. Ахунбабаева, 19 и медресе Шир-Мухаммада по ул. Комсомольской [20, с. 16—25; 28], подобный же формат зафиксирован нами в Самарканде, в позднем *айване*, пристроенном к южной малой мечети Биби-Ханым, и одновременно с ним ремонтах [27, с. 117], и нескольких ташкентских мавзолеех XVIII—XIX вв. [29, с. 21—22]. Таким образом, *дарваза-хана* построена в два приема — I этап в пределах XVIII—XIX вв., II этап — в начале XX в.

«Квартальная мечеть» — отдельно стоящий объект № 10, интересный как свидетельство поздних периодов функционирования комплекса. Это также двухслойный памятник; древний первоначальный план здания повернут на значительный угол по отношению к позднему. Здание первого этапа строительства имело просторный крестообразный зал, с низкими широкими нишами, оставляющими в углах небольшие заплечики от основного квадрата. Ярус парусов не выделен, переход к куполу образуется напуском рядов, в кладке которых чередуются ложковые и диагонально поставленные крупные плиточные кирпичи (небрежной формовки, закопченные). Купол сфероконический, извне — двухступенчатый, с острокопечной верхушкой. Наружный контур древних стен не просматривается: они обстроены стенами второго этапа строительства (также из крупного плиточного кирпича), когда здание было превращено в квартальную мечеть. Видимо, изменение направлений стен связано с корректировкой ориентации на кыблу. Стенами второго этапа застроили изнутри часть арок и вывели с двух сторон угловой деревянный *айван*. Здание давно заброшено, перестройка произо-

шла не ранее второй половины XIX в. Следов ремонта 1915 г. здесь нет, так что низкое качество работ и грубость форм первоначальной постройки относят дату первого этапа к периоду упадка в архитектуре, что и отодвигает ее к XVII—XVIII вв. (XVII в. можно считать более вероятным, так как стройматериал сходен с кладкой девятикупольной мечети.)

Все изложенное позволяет представить этапы сложения некрополя в Фудине [26, с. 38—42].

Рассмотренные мавзолеи некрополей в Фудине и Касби представляют по предложенной классификации несколько типов: «фасадный»; портално-купольный с выступающим порталом; «конгломерат»; «таш-куча».

Линия «фасадных» мавзолеев (рис. 45), один из первых примеров которой дает мавзолей дочери Исхак-ата в Фудине, представлена в XI в. упомянутым очень характерным мавзолеем Мир-Сейд-Бахром в Кермине (кубический объем, одна из фасадных плоскостей разработана в порталных формах); им предшествуют мавзолей около старого Чарджиов в IX—X вв. [37, с. 117] и мавзолей Халифа-Ережеп в Миздакхане X—XI вв. [48, с. 9]. К этапу XI—XII вв. относятся этого же типа мавзолей Сырлы-Там Инкардарынский [45, с. 280—281], первоначальный мавзолей в «конгломерате» Мухаммада ибн Зайда, выделенный из наслоений последующих этапов строительства [37, с. 305; см. также рис. 48 к данной статье], мавзолей Фахраддина Рази в Куля-Ургенче, с некоторым утолщением фасадной, проработанной членениями стены [36, с. 190, рис. 2], мавзолей Бабаджа Хатун в сел. Головачевка Джамбульской области [4]. Впоследствии эта линия отнюдь не исчезает [43, с. 217], но продолжает развиваться параллельно с порталными мавзолеем. Образцом ее можно назвать мавзолей XIV в. Хасана Саурана в Шаватском районе Хорезмской области⁵ [31, с. 87; 48, с. 33]. Вероятно, подобные памятники существовали и в XV—XVII вв.; ныне утраченные, они могли служить образцами поздних сырцовых мавзолеев XVIII—XIX вв., зафиксированных в Шавате (Кум-аулия-бобо, Ниясит-бобо) [25, с. 33].

Очень интересна типологическая группа портално-купольных мавзолеев с выступающим из кубического корпуса порталом (рис. 46, 47), которую представляет в одном из ранних известных образцов мавзолей Исхак-ата в Фу-

дине. Замечено [37, с. 274], что в мавзолее XI в. Аламбардара в Туркмении, где одинаково расчленены пилястрами на три части все фасады, утолщение пилястр по сторонам от входного проема создает небольшой порталный выступ. Далее эта форма, вызванная к жизни композиционными соображениями (акцент на входе, достигнутый средствами пластической выразительности), в зрелой форме выступает в мавзолее XI в. — Абу-л-Фазла в Серахсе [37, с. 276—277], Абу Саида в Меане XII в. [37, с. 281], Парау-ата в Фераве [14, с. 295—297, рис. 14; 37, с. 299—300] и почти копирующем его в плане мавзолее Гумбез-бобо под Ангреном [24, с. 72].

Г. А. Пугаченкова усматривает еще одну разновидность мавзолеев с сильно выступающим сводчатым *айваном*, свойственным больше восьмигранным призматическим мавзолеем Дахистана и обязанным своим возникновением древним локальным погребальным традициям [37, с. 345—346]. В мавзолее Чугундор-бобо эти разные по происхождению приемы сливаются, давая в синтезе кубический объем (хорасанский) с сильно выдвинутым (дахистанским) порталом [37, с. 303].

Мавзолеи с выступающим порталом продолжают этот типологический ряд и в последующие эпохи, к ним относятся Рухабад 80-х годов XIV в. в Самарканде с очень скромным порталом, мавзолей Астана-ата в Зерабулакских горах XV—XVI вв. [41], мавзолей XVII в. со склепом, раскопанный около комплекса Ходжа-Ахмада Ясеви [32, с. 97], хорезмийские мавзолеи — Ваянган-бобо в Шаватском районе (XVI—XVII вв.) [25, с. 32—33] и Абд-ал-бобо (XVIII—XIX вв.) в Хиве, а также мавзолей Аламбардара XIX в. в Ташкенте [29]. В этом случае доминирует купол, портал же играет подчиненную роль, несмотря на достаточно выразительную пластику.

Рассмотренные выше мавзолеи-«конгломераты» (рис. 48) домонгольского времени с их произвольной живописной архитектурной организацией являют собой этап поисков более строгого порядка. Только в 30—40 годах XIV в. складываются продольноосевые многокупольные мавзолеи-комплексы: это известные мавзолеи Тюрбек-ханым, Наджмадина Кубра в Куля-Ургенче, Шейха Мухтар-Вали в Хорезмской области [35, с. 143—161], а во второй половине XIV в. — двухкамерные мавзолеи Буян-кули-хана, Чашма-Аюб, Сайфатдина Бохарзи в Бухаре, Зенги-ата под Ташкентом, основанные на разделении функций поминального помещения (*зийарат-хана*) и усыпальницы (*гурхана*). Но и разновременные «конгломераты» продолжали существовать, примером чему служат памятники позд-

⁵ Мавзолей разрушен. Обмер плана был сделан экспедицией Узкомстариса в 1949 г. Отчет Л. Копека в архиве ГУОПМК, № 1286/К—55. Остатки памятника, сохранившего стены на высоту до 3 м, обследованы нами осенью 1976 г.

нефеодалного периода, и в частности мавзолеей Махдуми-Азам в Гисаре [5, с. 99].

Процесс развития и усложнения архитектурной организации комплексного мемориально-культового здания привел в конце XIV в. к проектированию памятников, которые можно считать кульминацией творчества в этой области, свидетельством чему служат мавзолей-комплексы Доруссиадат в Шахрисябзе и мавзолеей Ходжа-Ахмада Ясеви в Туркестане. Позже продольноосевые мавзолеи отмечаются в Бухарской, Самаркандской [30], Хорезмской [25], Ферганской [8] областях и единожды встречен в Кашкадарьинской области (мавзолей Хазрет Султана в Каршинском районе. Основа XI—XII вв.). Тип крупного портално-купольного здания, раскрытого по сторонам центрального зала проемами, нашел продолжение в общественных зданиях XVI—XVII вв., образцы которых имеются и в Кашкадарье, это *ханак* Ходжа-Илим-хан близ Китаба [1, с. 44; 26, с. 7—10], Тура-мечеть в Каттагане [22, с. 31] и др.

XI—XII века — время формирования и других ветвей многокамерного мавзолея-комплекса, так называемых поперечноосевых композиций. Исследованиями установлено [42; 47, с. 31, 37, 48], что считавшиеся разновременными спаренные мавзолеи в комплексе Султан-Саадат в Термезе (X—XI вв.) представляют собой единовременные, выполненные по общему замыслу постройки — в виде фронтально развернутого прямоугольного корпуса, с порталным входом в глубокий *айван* — по центру, между кубическими купольными усыпальницами — по сторонам. Он мог служить прототипом комплексу Ходжа-Мапад в Саяте [34]⁶. Этот принцип фронтальной композиции при трех продольных осях применен в мавзолее Мухаммада Бошаро, причем, как позволяют полагать последние исследования В. Л. Ворониной и К. С. Крюкова [7а], применен дважды: при строительстве древней восточной галереи XI—XII вв. — в ориентации восток—запад. При перестройке XIV в. восточная галерея была включена в общий объем «поперечноосевого» мавзолея-комплекса и получила соответствие в симметричном западном крыле. Вход в центральный зал был подчеркнут знаменитым порталом, украшенным резной терракотой [6]. В XV в. традиция в подобной трактовке (центральный зал с галереями и *хужрами* по сторонам) предстает в мавзолее-комплексе Ишрат-хана; в XV—XVIII вв. «тиражируется» первооснова из спаренных

мавзолеев с *айваном* в упомянутом комплексе Султан-Саадат [47, с. 31, 54]. В Хорезме многочисленны подобные им наземные склепы типа *кош-мазар* в Хазараспском, Янгйарыкском районах и в Хиве с замурованными входами.

Наконец, двухкупольный «футляр» над захоронением Мансура Мухаммада и его семьи в Фудине является также примером традиционной формы, обозначенной в научной литературе термином в хорезмской транскрипции *даш-куча* [44, с. 90—91]. Прототипом его являются древние сырцовые сооружения Мерва [37, с. 218], мавзолеей XI—XII вв. близ Шаартуза [7, с. 89], мавзолеей-мечеть Ходжа-Иса в Ширабадском районе Сурхандарьинской области [7, с. 84—89] и, возможно, мавзолеей Имам-Маин в Каучине Кашкадарьинской области [26, с. 47]. Двухкупольным было и первоначальное ядро в мавзолее-комплексе Шейх-Мухтар-Вали в Кишлаке Остана [35, с. 159, рис. 6]. В позднефеодалный период этот прием варьируется особенно широко: с двумя-тремя куполами — неизученный мавзолей Юнус-хана XVI—XVIII вв. в комплексе Пахлавана Махмуда в Хиве [30], Турки-Джанди XVII в. в Бухаре, мавзолеи в Гузаре [7, с. 89—90]; с семью куполами — Шамун-наби XVIII в. в Миздакхане [44, с. 90, рис. 1], разновременная галерея с захоронениями в нишах в комплексе Исмамуд-ата [35, с. 165—167; 44], мавзолеей на кладбище Шохи Мардан в Хивинском районе (XVIII—XIX вв.) [25, с. 34]; с пятью и четырьмя куполами — мавзолей Ходжа Данияр в Самарканде (XX в.), сырцовые мавзолеи в Мерве [7] (рис. 49).

Сказанное, в частности по памятникам Фудины и Касби, на наш взгляд, приводит к общему выводу в плане охраны и изучения наследия: любой архитектурный объект несет в себе информацию о типологии и представляет в этом смысле большой интерес.

Обмеренные автором планы мавзолеев Халифа-Ережен в Миздакхане, Гумбес-бобо под Ангреном, Кум-Аулия-бобо, Ниясит-бобо, Ваянган-бобо в Шавате, Абд-ал-бобо в Хиве публикуются впервые.

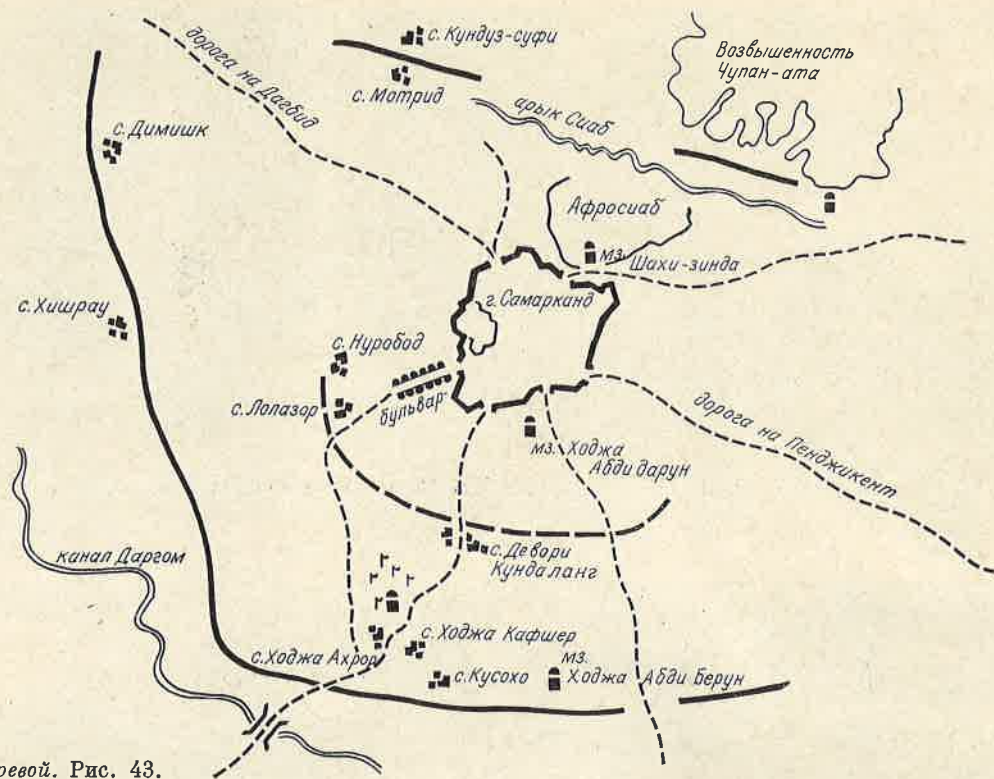
1. Абдурасулев Р. Р., Ремпель Л. И. Известные памятники архитектуры бассейна Кашкадарьи. — ИЗУ. Вып. 1. 1962.
2. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. — Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
3. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения. Т. 1. М., 1963.
4. Бернштам А. Н. К происхождению мавзолеев Бабаджи-хатун. — КСИМК. Вып. 61. 1956.
5. Бретаницкий Л. С. Архитектурные памятники Гиссара. — МИА. 15. 1950.
6. Бретаницкий Л. С. Об одном малоизвестном памятнике таджикского зодчества. — МИА. 66. 1958.

⁶ Мнения исследователей относительно его единовременности расходятся; однако, так или иначе, фронтальная композиция оформилась к XII в.

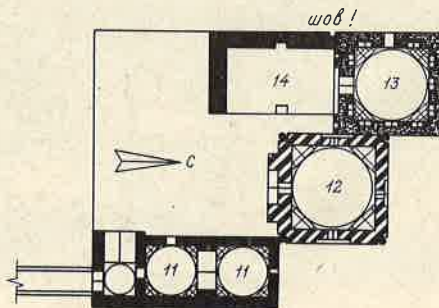
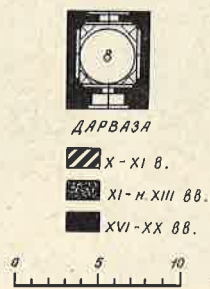
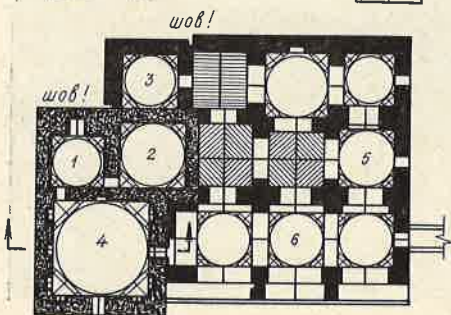
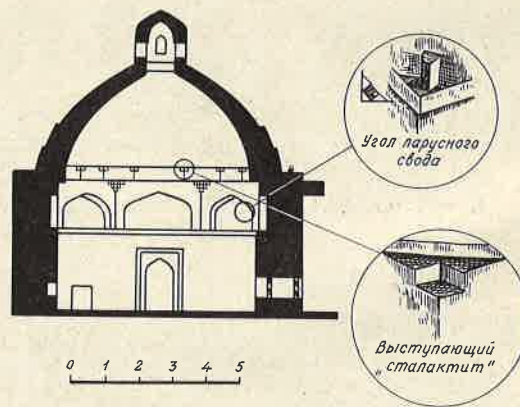
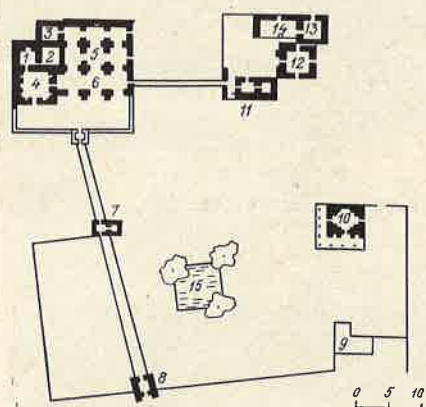
7. Воронина В. Л. Неизвестные памятники Средней Азии. — МИТАУ. Вып. 1. 1950.
- 7а. Воронина В. Л., Крюков К. С. Новое об одном из ранних памятников Средней Азии. — САУ. 1968, № 2.
8. Воронина В. Л. Строительные методы зодчих Ферганской долины XVI—XIX вв. — САУ. Вып. 22. М., 1974.
9. Зайнутдинов А. З. Историческое описание памятников Кашкадарьинской области. 1949 г. —

1521
Архив ГУОПМК. Рук. № $\frac{3-17}{3-17}$ КД.
10. Зайнутдинов А. З. Экспедиция по обследованию архитектурных памятников Кашкадарьинской области. 1949. — Архив ГУОПМК. Рук. № $\frac{2020}{3-17}$ КД.
11. Иконников А. В., Степанов Г. Основы архитектурной композиции. М., 1971.
12. Кабанов С. К. Описание архитектурных памятников низовьев Кашка-Дарьи. 1947. — Архив ГУОПМК. Рук. № $\frac{1522}{K-12}$ КД.
13. Крюков К. С. Реконструкция среднего Узгенского мавзолея. — АН. Вып. 16. 1967.
14. Литвинский Б. А. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. — ТЮТАКЭ. Т. 2. 1951.
15. Литвинский Б. А. Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблемы генезиса (в печати).
16. Литвинский Б. А. Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971.
17. Литвинский Б. А. Архитектурный комплекс Ходжа Нахшран. — ТАН ТаджССР. Т. 17. 1953.
18. Мавзолей Зуль-Кифль на острове Арал Пайгамбар. ГУОПМК, обмер В. А. Шишкина, чертеж № 3389. Ртвеладзе Э. В., Аршавская З. А. Архитектурный комплекс Зу-л Кифл. — САУ. 1978, № 1.
19. Маньковская Л. Ю. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения по реставрации комплекса Ходжа Ахмеда Ясеви в Туркестане. — ИАН КазССР. Серия истории археологии и этнографии. Вып. 3 (14). 1960.
20. Маньковская Л. Ю. Научный отчет об обследовании архитектурных памятников Кашкадарьинской области в 1967 г. — Архив Института искусствознания им. Хамзы Министерства культуры УзССР. Рук. № 506/1.
21. Маньковская Л. Ю. Мавзолей дочери Улугбека Рабии Султан Бегим. — ОНУ. 3. 1969.
22. Маньковская Л. Ю. Неизвестные памятники XVI—XIX вв. в Кашкадарьинской области. — САУ. 1969, № 11.
23. Маньковская Л. Ю. Неизвестные памятники Иски Лянгара и Китаба. — САУ. 1970, № 6.
24. Маньковская Л. Ю. Мавзолей Кызыл-Мазар и Гумбез-бобо. — ОНУ. 1970, № 10.
25. Маньковская Л. Ю. Неизвестные памятники архитектуры Хорезма. — САУ. 1970, № 10.
26. Маньковская Л. Ю. Архитектурные памятники Кашкадарьи. Таш., 1971.
27. Маньковская Л. Ю. Новое в изучении мечети Биби-Ханым. — Из истории искусства великого города. Таш., 1972.
28. Маньковская Л. Ю. Медресе Карши. — САУ. 1976, № 1.
29. Маньковская Л. Ю., Пулатов Х. К. Изучению архитектурного наследия Ташкента. — САУ. 1972, № 6.
30. Маньковская Л. Ю., Джумаев К., Усманов Т. Новое о мавзолеях Узбекистана. — САУ. 1975, № 6.
31. Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Гумбез Манаса. М., 1950.
32. Немцева Н. Б. Археологические раскопки у комплекса Ходжа Ахмеда Ясеви (1958). — ИАН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 1 (15). 1961.
33. Немцева Н. Б. К истории ансамбля и исторической топографии юга Самарканда. — Автореф. дисс. М., 1972.
34. Немцева Н. Б. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад на юге Таджикистана. — СА. 1963, № 3.
35. Ноткин И. И. Малоизвестные памятники Хорезмского зодчества. — ИЗУ. Вып. 1. 1962.
36. Прибыткова А. М. Мавзолей Фархаддин-Рази в Куна-Ургенче. — АН. Вып. 13. 1961.
37. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. — ТЮТАКЭ. Т. 6. 1958.
38. Пугаченкова Г. А. Ак-Астана-баба. — СА. 1960, № 3.
39. Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты. Таш., 1976.
40. Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-ата (Из истории архитектуры Мавераннахра IX—X вв.). — ИЗУ. Вып. 2. 1963.
41. Пугаченкова Г. А. Неизвестные архитектурные памятники горных районов Узбекистана. — ИЗУ. Вып. 3. 1965.
42. Пугаченкова Г. А. Новые материалы по архитектуре ансамбля Султан-Саодат. — САУ. 1965, № 9.
43. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965.
44. Стеблюк Ю. В. Исмаут-ата. — СЭ. 1959, № 3.
45. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
46. Френкель Н. И. Полевой дневник обследования и краткое описание памятников — кандидатов под госохрану, находящихся в городах Карши, Яккобаге, Шахрисабзе и их окрестностях. 1954 г. —

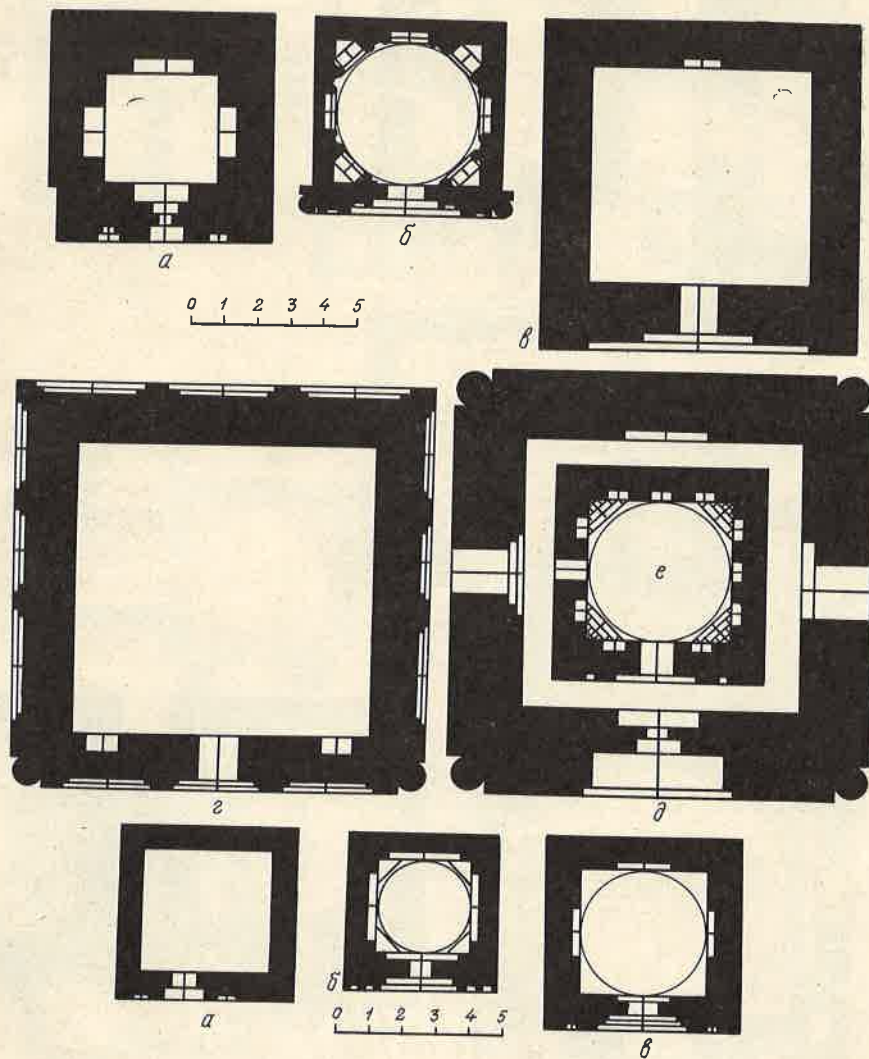
1665
Архив ГУОПМК. Рук. № $\frac{\Phi-87}{\Phi-87}$ КД.
47. Хакимов З. А., Шваб Ю. З. Султан-Саодат. — ИЗУ. Вып. 4. 1969.
48. Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздакхана. Таш., 1970.
49. Яралов Ю. С. Национальное и интернациональное в советской архитектуре. М., 1971.
50. Golombek L. The Timurid shrine at Gazur-Gah. Toronto, 1969.
51. Grabar O. The earliest Islamic commemorative structures. Notes and documents. — АО. Vol. 6. 1966.
52. Grabar O. The formation of Islamic art. New Haven—London, 1973.

К статье О. А. Сузаревой. Рис. 43.
Окрестности Самарканда.
Стены Киямат и Кундаланг.

К статье Л. Ю. Маньковской. Рис. 44. Комплекс Хусам-ата в селении Фудина.

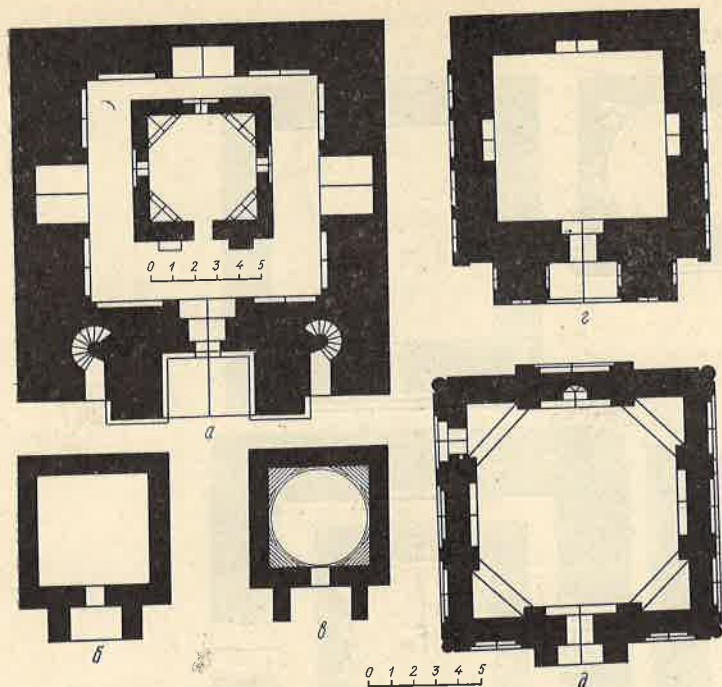

К статье Л. Ю. Маньковской. Рис. 45. Мавзолеи центрические — «фасадные», XI—XII вв.:

а) мавзолей Фахраддин-Рази в Куня-Ургенче; б) Мир-Сеид-Бахром в Кермине; в) шейха Хасана Саураны в Шаватском районе Хорезма; г) Ярты Гумбез; д) Узгентский средний; е) дочери Исхак-ата в Фудине.

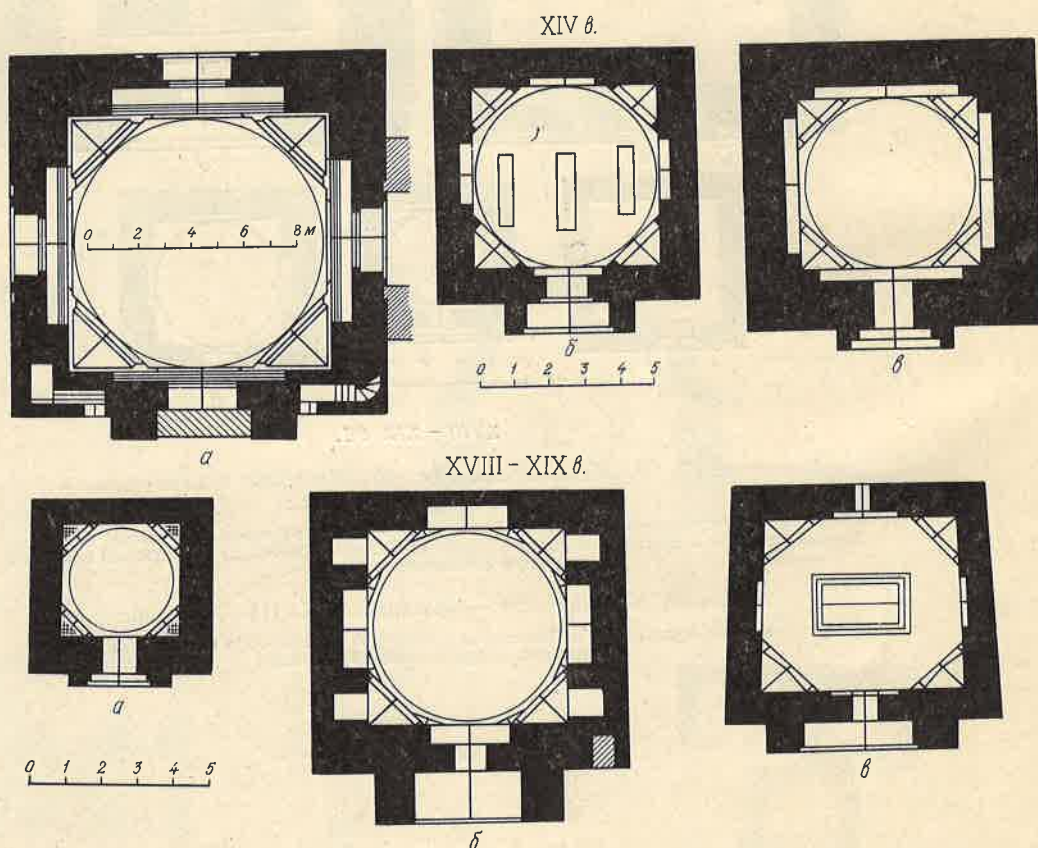
Мавзолеи центрические — «фасадные», XVIII—XIX вв.:

а) мавзолей Кум Аулия-бобо в Шаватском районе; б) Ниясит-бобо в Шаватском районе; Мазаретдин (Кара-Калпакская АССР).

К статье Л. Ю. Маньковской. Рис. 46.
Мавзолеи портално-купольные
с выступающим порталом, XI—XII вв.

а) Абу Саида в Мехне; б) Паратау-ата в Фергана; в)
Гумбез-бобо под Ангрен; г) Абу-л-Фазла в Серахсе;
д) Аламбардара в Астана-ата; е) Исхан-ата в комплексе
Хусам-ата в Фудине.

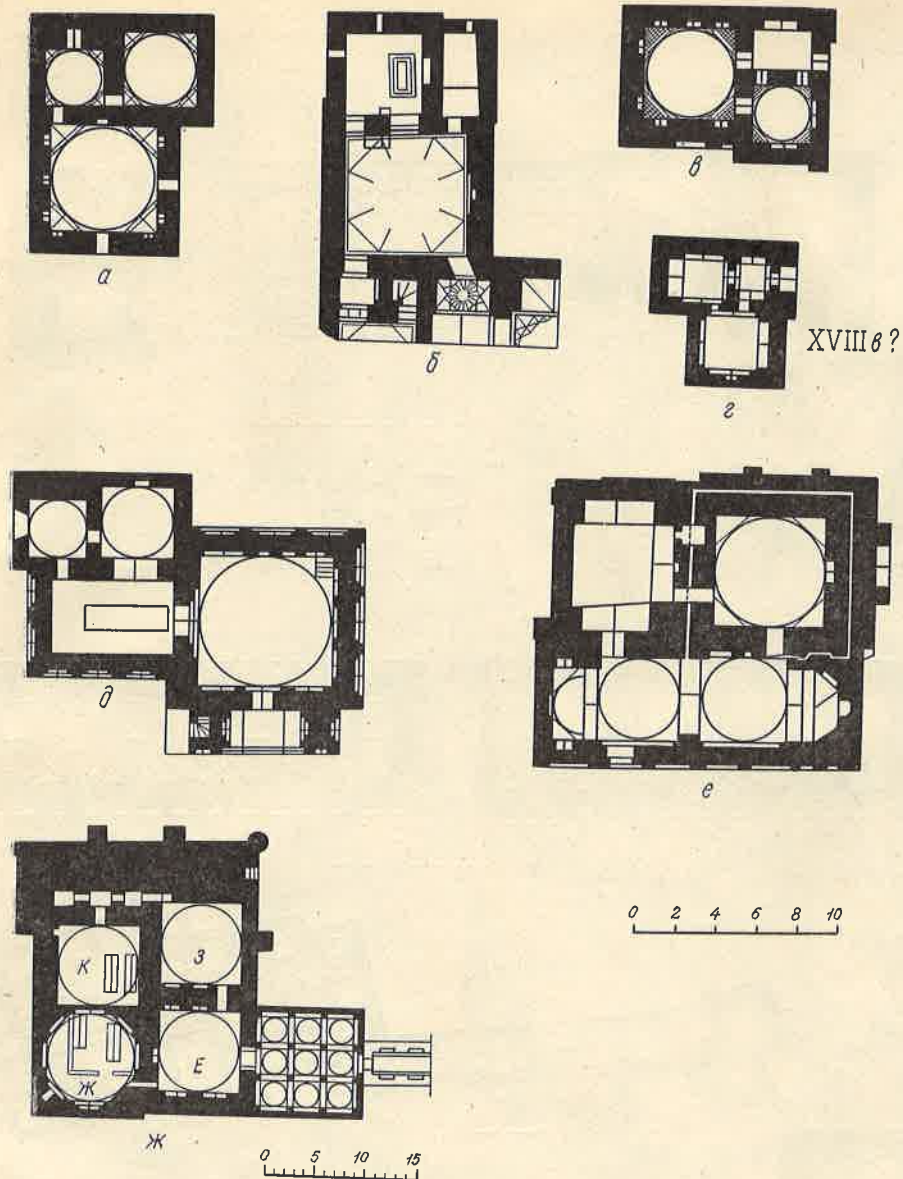
XIV в.

XVIII—XIX в.

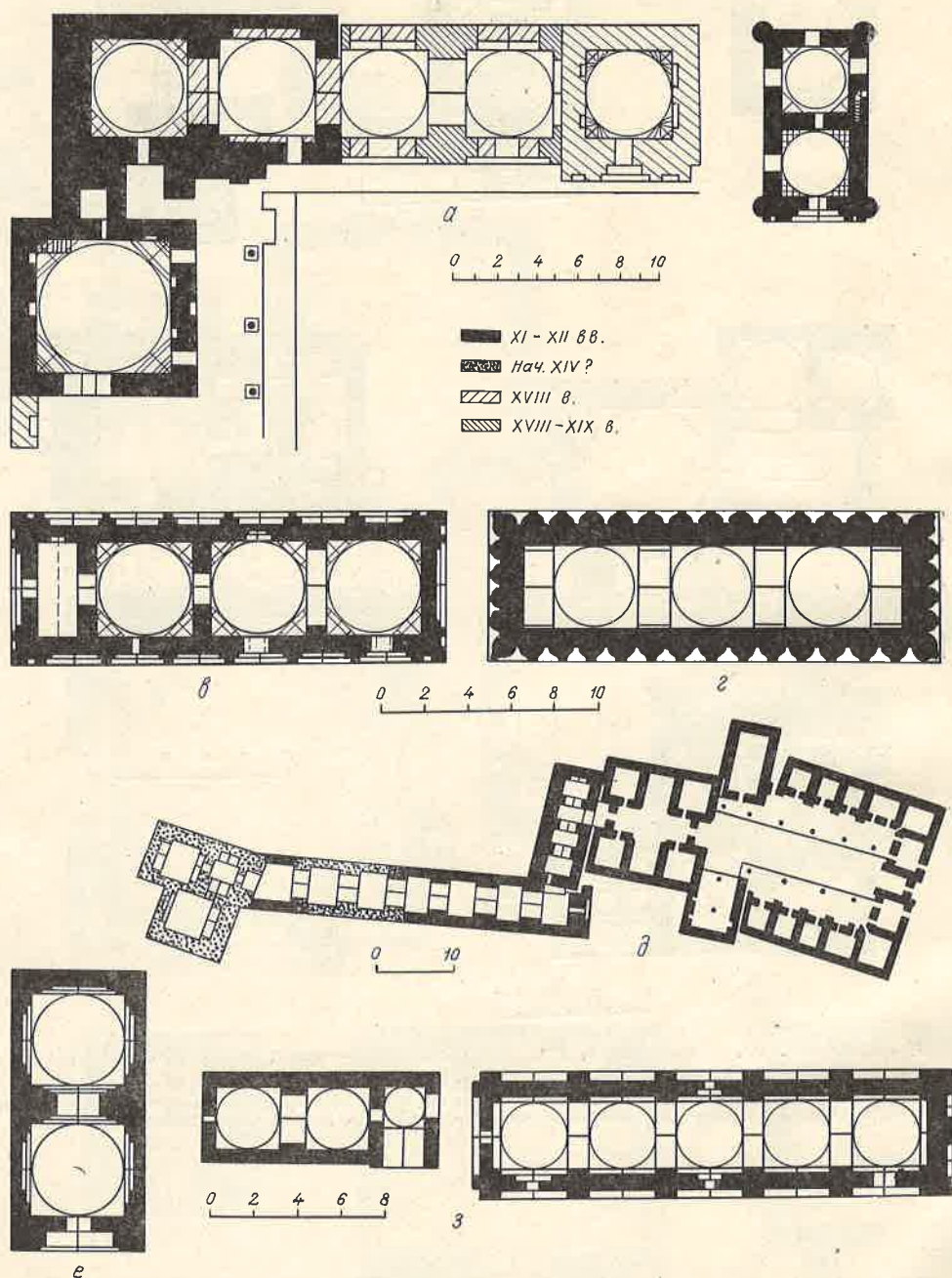
К статье Л. Ю. Маньковской. Рис. 47. Мавзолеи с выступающим порталом, XIV—XIX вв.:
а) Рухабад в Самарканде; б) Астана-ата в Зерабулакских горах; в) Уняган-бобо в Шаватском районе.

Мавзолеи с выступающим порталом XVIII—XIX вв.:

а) Абд-ал-бобо в Хиве; б) Ходжи Аламбардара в Ташкенте; в) Хайрабад-ишан в Ташкенте.

К статье Л. Ю. Маньковской. Рис. 48. Мавзолеи — «конгломераты», XI—XII вв.
а) комплекс Хусам-ата в Фудине; б) комплекс Кусам ибн Аббаса в Шахи-Зинда; в) комплекс Султан-Мир-Хайдар в Касби; г) основа комплекса Исмамуд-ата в Куни-Ургенче (?); д) мавзолей Зулъ-Кифль на о. Арал-Пайгамбар; е) мавзолей Мухаммада ибн Зайда; ж) мавзолей Увейда и Зубейды.

К статье Л. Ю. Маньковской. Рис. 49. Мавзолеи многокупольные «даш-куча», XI—XX вв.

а) мавзолей Имам-Маин в Каучине; б) мавзолей в Гузаре; в) мавзолей Ходжа-Иса в Сурхандарьинской обл. УзССР; г) дом в Шахрияр-арке; д) мавзолей Исмамуд-ата в Куня-Ургенче; е) мавзолей Юнус-хана в Хиве; ж) мавзолей Мансура Мухаммада в комплексе Хусам-ата в Фудине; з) мавзолей Ходжа Данияр в Самарканде.